

Отже, емоції і почуття, які складають емоційний світ дитини, відіграють важливу роль в її внутрішньому і зовнішньому житті. Вони збагачують відображення дитиною об'єктивної дійсності і в зв'язку з її потребами й інтересами стають спонуканнями до діяльності, регуляторами дитячої активності.

Список використаних джерел

1. Изард К. Психология эмоций. – СПб., 1994. – 464 с.
2. Кулачківська С.Є. Психічний розвиток дитини-дошкільника / Кулачківська С.Є., Ладивір С.О., Піроженко Т.О., Вовчик-Блакитна О.О. та ін. – К.: «СВІТИЧ», 2004. – С. 29-36.
3. Беляєва О. Успішна адаптація як умова гармонійного розвитку особистості. Заняття для батьків першокласників / О. Беляєва // Психолог. Шкільний світ. – 2015. – №15-16. – С.50-58.
4. Кутішенко В.П. Вікова та педагогічна психологія (курс лекцій). 2-е вид.: Навч.посіб. – К.: Центр учбової літератури, 2010. – 128 с.

Данилова Ніна Александровна

Кандидат философских наук, профессор

Восточно-европейский университет экономики и менеджмента

НОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В становлении так называемых «новых демократий», отмеченных многочисленными общественными движениями, важной социальной проблемой становится понимание тех представлений (идей), которые детерминируют их стратегию, тактику и методы борьбы за желаемое общественное устройство.

Идеи, которые наполняют социальную и политическую деятельность, придавая ей определенный вектор, традиционно определяют как идеологию движения.

В эпоху Просвещения, когда возник сам термин, под идеологией понимали энергию разрушения предрассудков и невежества в обществе. Ортодоксальный марксизм под идеологией стал понимать комплекс идей («Немецкая идеология»), обеспечивающих комфортное существование правящему классу, но не всему человечеству в целом.

Связь идеологии с интересами определенной общественной группы, обнаружила в ней оттенок лжесознания»» (false consciousness), которое может и не отвечать коренным интересам самой группы (класса). Как было, скажем, с пролетариатом, который самостоятельно сути своего эксплуатируемого положения не осознавал и, следовательно, своего негодования по этому поводу в революционной борьбе с сознанием дела использовать не мог.

Сегодня термин «идеология» уходит из научного оборота. Вместо него все чаще используются «фрэймы» или «идентичности». Связано это, не столько с разнообразием теоретических подходов к данной проблеме или англоязычной экспансией, сколько с принципиально новым, по сравнению с прошлым, контекстом, в котором формируются авторы этих новомодных понятий. Речь идет о «критических сообществах интеллектуалов», чья «идентичность» базируется на такой системе убеждений, распространение которых и питает протестную практику [4, с. 189]. Что означают эти «фрэймы» или «идентичности», которые приходят на смену очевидно классовому понятию «идеологии»? Отражается ли в них отсутствие классового противостояния? Или оно вуалируется сознательно?

Попытки разобраться в их «новизне» оживляют в памяти движение «новых левых», ставших гегемоном взрыва политической активности 60-х, начала 70-х. В чем их отличие от старых? По мнению социальных аналитиков (Турен, Хабермас), их принципиальное отличие не связано с классовыми отношениями, а обусловлено противостоянием в культурно-информационной сфере постиндустриального общества. Якобы, их волновало не столько материальное перераспределение ресурсов, сколько постматериальные потребности этнического, расового или гендерного свойства. То есть собственно «новизна» заключается в несогласии с прежними «символическими кодами» организации жизни. Демонтировать их «здесь и сейчас» ради другого качества жизни – их цель, которая может быть достигнута только самоорганизацией, но не вертикальным иерархическим устройством.

Однако разве любой структурный конфликт не вызревает на почве индивидуальных неудовлетворенностей качеством жизни? Вопрос в том, (и прежде, и теперь) как из разрозненных

неудовлетворенностей возникает субъект «коллективного действия»? И какую эвристическую ценность для понимания этого имеет понятие «идентичности»? Ясно одно, как и раньше, эта идентичность не возникает автоматически. А возникает она тогда, когда перестает быть очевидной. Когда старая, относительно устойчивая идентичность разрушается и требуется создать новое «социокультурное коллективное «я»» (например, нацию-государство).

Разрушаясь, старая идентичность вызывает брожение «умов», обостряя проблему консолидации возникающих все новых и новых идентичностей, размывая границы и порождая их гибридные формы благодаря возможности для субъекта выбирать подходящую для себя идентичность или менять ее произвольно. Это превращает его в другого человека. Он становится не тем, чем он есть на самом деле, а тем, чем он хочет или (должен) казаться. Место его сущности заменяется социальной ролью, блокируя его личностную самореализацию. Идентичности, отслаиваясь от индивидуального сознания, превращаются в идеологический фантом (суррогат коллективности), который, становясь «полководцем» коллективного поведения, приводит к катастрофическим последствиям.

Возможен ли другой, оптимистический сценарий, если сам термин (лат. «identitas» – тождественность) содержит в себе серьезную проблему, вызванную восприятием другого как чужого, угрожающего его идентичности и гипостазирующую меньшинство в ущерб большинству. То есть в основе самого механизма различения уже заложен конфликт.

Способом умиротворения этого конфликта может быть либо принудительная ассимиляция мелких и частных идентичностей, либо мультикультурализм, который вместо «плавильного котла» ассимиляции (практически не реализуемого), предлагает консенсус интересов и сохранение различий внутри единства на базе толерантного сочувствия.

Ни то, ни другое не может устроить ни большинство, ни меньшинство, ибо в рамках современной политической демократии, даже при закреплении в законах ценностной значимости отличий, иерархизации идентичностей и определении общих правил, реальная конкуренция между ними остается. Так же как остается недовольство невозможностью максимального удовлетворения различий и именно своих интересов. Сами идентичности создаются вовсе не для консенсусов или слияний. На практике мультикультурализм мгновенно превращается в этнонационализм с его центробежными тенденциями. Судя по обзору мировых социально-политических процессов и движений, этнонационализм, содержащий в себе идеи когнитивного и эмоционального единства тех или иных коллективных сообществ является одной из самых влиятельных (и популярных) идеологий современности [7].

Список использованных источников

1. Адорно А. Исследования авторитарной личности, М., 2001.
2. Арон Р. Опій інтелектуалів, К., 2006.
3. Арендт Х. Джерела тоталітаризму, К., 2002.
4. Ищенко В. Проблема идеологии в социологии общественных движений. – Социология: теория, методы, маркетинг. – 2007, №3. – с. 188-201.
5. Олсон М. Логіка колективної дії. Суспільні блага і теорія груп, К., 2004.
6. Смелзер Н. Теория коллективного поведения, N.Y., 1963.
7. Мартянов В.С. Конфликты идентичностей в современном мире: о справедливости иерархических и плюралистических стратегий урегулирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/martianovs/php>

Глушенко Микита Олексійович

Чернівецький національний університет імені Ю. Федьковича

Хомік Іван Васильович

Чернівецький національний університет імені Ю. Федьковича

ПСИХОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ УПРАВЛІННЯ ВІЙСЬКОВИМ КОЛЕКТИВОМ В БОЮ

Важливою умовою могутності будь-якої держави є висока бойова готовність її Збройних Сил, здатних стояти на сторожі державних кордонів та відстоювати інтереси країни в міждержавних стосунках. Важливою складовою бойової готовності та боєздатності військ є високий моральний дух особового складу. В цьому контексті набуває актуальності проблема